

Т. А. Савчук

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного и административного права

Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ЛИЧНОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Меры пресечения представляют собой один из важнейших уголовно-процессуальных институтов, который, с одной стороны, позволяет эффективно обеспечивать цели уголовного процесса, а с другой стороны, существенно вторгается в сферу конституционных прав, свобод и законных интересов личности. Бесспорно, что такие права, как право на свободу и личную неприкосновенность, наиболее важны и должны неукоснительно соблюдаться и охраняться государством, ведь свобода личности в единстве с неприкосновенностью означает гарантию защиты от незаконного вмешательства и применения любых принудительных мер со стороны должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Поэтому уголовно-процессуальные кодексы многих стран предусматривают разветвленную систему мер пресечения, в том числе и не связанных с ограничением (лишением) личной свободы подозреваемых и обвиняемых (далее – обвиняемый, если не указано иное). Одной из таких мер, известной и УПК Республики Беларусь, является личное поручительство, которое не является предметом исследования в отечественной юриспруденции и не находит значительной поддержки со стороны правоприменителей. Проведенный нами опрос следователей показывает, что при выборе меры пресечения, не связанной с содержанием под стражей, многие из них предпочитают личное поручительство, хотя практика свидетельствует о редком использовании этой меры пресечения.

По данным Следственного комитета Республики Беларусь, в целом по республике в 2016 г. личное поручительство избиралось в отношении 721 обвиняемого (1,5 %), в 2015 г. – к 674 обвиняемым (1,4 %), в 2014 г. – к 833 обвиняемым (1,7 %). Довольно редкое использование этой меры пресечения прежде всего обусловлено «привычкой» применять две полярные меры пресечения: подписку о невыезде и надлежащем поведении либо заключение под стражу. Кроме того, действующая нормативная трактовка личного поручительства имеет определенные недостатки, требующие ис-

ледования и разрешения с целью устранения дефектов уголовно-процессуальных норм о личном поручительстве и активизации этой меры пресечения на практике.

Рассматривая личное поручительство, следует обратить внимание на его историческую ретроспективу и преемственность в законодательстве государств постсоветского пространства. Как отмечает Н.Д. Ратникова, поруки, являясь в древнерусский период основной мерой пресечения уклонения обвиняемого от следствия и суда, возникли как «чисто народное учреждение до появления первых зачатков государственной власти . . . , их появление было обусловлено общественным строем и практикой прежде, чем они начали встречаться в памятниках законодательства», при этом невозможно определить, где и когда в первый раз появились поруки. В период княжеской власти преступление рассматривалось как нарушение личных (родовых) интересов, поэтому поруки были почти единственной мерой пресечения, в том числе при совершении самых тяжких преступлений [1, с. 164–165]. Поруки в то время представляли собой акт, предшествующий явке ответчика в суд, неисполнение которого влекло за собой ответственность поручителей, что служило «действительным обеспечением прав истца, общественного правосудия и интересов самого ответчика, потому что представить поруки, а не быть взятым и содержимым под арестом – это было его право» [2, с. 167–168]. В дальнейшем поруки, именуемые поручительством, нашли закрепление в Судебниках 1497 г. и 1555 г., которые устанавливали применение этой меры только «по челобитной» поручителей, которые ручались за явку обвиняемого в суд «головой» [3, с. 128], что придавало этой мере серьезный характер. Новый виток поручительство получило в Своде законов 1832 г., предусматривавшем в числе мер пресечения отдачу на поруки, которая могла применяться по таким преступлениям, за которые закон не определял тяжкого наказания. Развитие данных положений нашло отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который, сохранив отдачу на поруки и трактуя ее как имущественное поручительство, расширил диапазон ее применения: эта мера пресечения могла применяться по любой категории преступления. В советский период законодательство союзных республик наряду с личным поручительством предусматривало и поручительство общественной организации, трудового коллектива (сейчас такой подход сохранился в УПК Туркменистана, Молдовы, Азербайджана, Узбекистана). Различие в трактовке этих мер пресечения было в том, что при личном поручительстве устанавливалась ответственность поручителей в виде денежного взыскания, а при коллективном

такая ответственность исключалась (ст. 89, 90 УПК БССР 1960 г.). Именно последнее обстоятельство повлекло исключение коллективного поручительства из законодательства многих стран.

На современном этапе в уголовно-процессуальном законодательстве государств – участников СНГ понятие личного поручительства дается через призму порядка избрания этой меры пресечения, который состоит в принятии на себя поручителями письменного обязательства о том, что обвиняемый будет соблюдать определенные правила поведения, а в УПК Украины – и о его доставлении в орган досудебного расследования или суд. Такими правилами поведения обвиняемого по законодательству Беларуси и Таджикистана являются обязательства не скрываться от следствия и суда, не препятствовать расследованию или рассмотрению дела в суде, не заниматься преступной деятельностью; в законодательстве России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, Молдовы – это обязательство являться в назначенный срок по вызовам органа, ведущего производство по делу; Кыргызской Республики – обязательство не покидать место жительства без разрешения следователя, прокурора и суда; Азербайджана – обязательство соблюдать общественный порядок и исполнять другие процессуальные обязанности.

При принятии решения об избрании личного поручительства должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно соблюдать ряд процессуальных условий, вытекающих из сущности этой меры пресечения. Одним из таких условий выступает наличие не менее двух заслуживающих доверия поручителей (ч. 1 ст. 121 УПК Республики Беларусь). Используя формулировку «заслуживающие доверия лица», белорусский законодатель не раскрывает ее критериев, однако это представляется важным, поскольку решение об избрании и дальнейшем соблюдении обвиняемым личного поручительства напрямую зависит от сведений о личности поручителей, которые должны быть отражены в процессуальном документе, закрепляющем такое решение, и приобщены к уголовному делу. В данном контексте уместно исходить из значения понятия «доверие», под которым понимается «уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к кому-нибудь» [4, с. 59]. Примечательно, что вопрос о понятии «заслуживающее доверия лицо» и его критериях привлекал внимание ученых различных исторических периодов.

Так, дореволюционные правоведы полагали, что поручителями могли быть лица, пользующиеся доверием в силу своего общественного, служеб-

ного или партийного положения» [5, с. 33]. Ученые советской эпохи указывали на то, что «авторитет поручителя определяется его служебным положением в обществе, его поведением в коллективе, в быту, его личными свойствами» [6, с. 108]. Поручители должны быть правоспособными гражданами, хорошо знающими обвиняемого, «снискавшие своим честным трудом и примерным поведением уважение в коллективе по месту работы или жительства и которые своим личным авторитетом и влиянием могут реально обеспечить надлежащее поведение и явку обвиняемого по вызову» [7, с. 232]. Современные белорусские ученые полагают, что поручителями могут быть совершеннолетние, законопослушные, добропорядочные граждане, пользующиеся уважением по месту работы и жительства, имеющие высокую репутацию среди окружающих [8, с. 319], а российские – что поручителем не может быть лицо, ранее судимое, не имеющее постоянного места жительства и рода занятий [9, с. 71; 10, с. 133]. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский настаивают на том, что поручитель должен заслуживать доверие у общества (иметь стабильное социальное положение, пользоваться уважением, авторитетом, известностью, в прошлом не иметь нарушений закона) и у обвиняемого, о чем может свидетельствовать наличие хороших отношений между ними [11, с. 214]. О.П. Копылова отмечает главные качества поручителя: добропорядочность, законопослушность, способность иметь влияние и оказывать определенное воздействие на обвиняемого с целью исполнения им требований, предусмотренных данной мерой пресечения [12, с. 50]. Разделяя мнения цитируемых авторов, мы не согласны с О.П. Копыловой, утверждающей, что личное поручительство основано не на доверии к обвиняемому, а на доверии к поручителям [12, с. 49]. Во-первых, любая мера пресечения (кроме заключения под стражу) строится на доверии следователя к обвиняемому в соблюдении последним условий режима конкретной меры пресечения, во-вторых, при отсутствии доверия к обвиняемому следователь не станет делать выбор в пользу личного поручительства, равно как и иной меры, не связанной с содержанием под стражей. Таким образом, понятие «заслуживающее доверия лицо» применительно к поручителю должно расцениваться с общепризнанных позиций: им может быть совершеннолетний дееспособный гражданин республики, обладающий высокими моральными качествами, имеющий репутацию в обществе, пользующийся авторитетом у обвиняемого и способный оказывать на него положительное влияние, осуществлять за ним контроль, обеспечивать его надлежащее поведение и явку по вызовам.

Должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно собрать и проверить информацию о том, заслуживают ли доверия потенциальные поручители, проделать значительную аналитическую работу и лишь после этого принять соответствующее решение. Сбор сведений может осуществляться путем допроса поручителей в качестве свидетелей, истребования удостоверяющих и характеризующих их личность документов (сведения о привлечении к административной, уголовной ответственности, о наличии (отсутствии) психических и иных заболеваний; о заслугах как общественного деятеля и т. д.). В этой связи представляется верной позиция Генеральной прокуратуры Республики Беларусь: поручители должны сообщать такие обстоятельства, которые обосновывают их обязательство о том, что обвиняемый не будет чинить препятствий расследованию и рассмотрению дела судом, не станет заниматься преступной деятельностью [13, с. 186].

Одним из условий применения личного поручительства является инициатива поручителей, которая предполагает письменную форму в виде ходатайства (УПК Республики Беларусь, России, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана), обязательства (УПК Украины) либо просьбы (УПК Молдовы). При этом белорусская следственная практика идет по пути принятия коллективных ходатайств от поручителей, что положительно оценивается и авторами комментария к УПК Республики Беларусь [8, с. 319]. Между тем, исходя из названия данной меры пресечения и ее сущности, в основе которой лежит личное обязательство конкретного физического лица, обладающего определенными правами и обязанностями, ходатайство может быть только индивидуальным и исходить от каждого поручителя, где он формулирует свою личную, а не коллективную просьбу. Учитывая, что инициатива в избрании личного поручительства (равно как и другой меры пресечения) принадлежит должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, указание в законе на ходатайство поручителей является некорректным. В связи с этим полагаем, что ст. 121 УПК Республики Беларусь должна содержать правило о получении согласия лица быть поручителем в виде подписки о принятии на себя обязанностей по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого в период этой меры пресечения.

Личное поручительство начинает действовать с момента дачи поручителями подписки, в которой им разъясняется сущность подозрения (обвинения), обязательства поручителей и их ответственность в случае нарушения обвиняемым условий данной меры пресечения (ч. 3 ст. 121 УПК

Республики Беларусь). Примечательно, что по УПК Молдовы письменное обязательство поручителей сопровождается внесением ими фиксированной денежной суммы за надлежащее поведение обвиняемого. На наш взгляд, правоприменитель должен учитывать определенные обстоятельства, которые не закреплены в законе, но могут иметь место на практике. Например, в период действия личного поручительства может иметь место переквалификация преступления, что повлечет изменение сущности обвинения, а значит, следователь в обязательном порядке должен разъяснять такое изменение поручителям, ведь это может повлечь их отказ от принятых на себя обязательств, особенно при переквалификации деяния на более тяжкое преступление. Для того чтобы поручители могли выполнять взятые на себя обязательства, следует ввести в уголовно-процессуальный закон и практику следующее: во-первых, следователь должен одновременно с направлением повестки о явке обвиняемому для участия в следственных и процессуальных действиях направлять такую же повестку поручителям, чтобы они могли заблаговременно принять меры к обеспечению явки обвиняемого; во-вторых, следует ввести ограничительное значение понятия неявки обвиняемого, понимая под этим не один только факт его неявки, а умышленное совершение им действий по уклонению. Важно понимать, что ответственность, предусмотренная в отношении поручителей в виде денежного взыскания, должна наступать лишь в том случае, если должностное лицо располагает убедительными данными о недобросовестном отношении поручителей к своим обязанностям. При этом ответственность поручителей должна определяться в каждом случае индивидуально с учетом личности поручителя, тяжести наступивших последствий ввиду невыполнения им своих обязанностей.

Недостатком законодательной конструкции ст. 121 УПК Республики Беларусь является отсутствие норм, закрепляющих право поручителя отказаться от принятых на себя обязательств. В данном контексте прогрессивными являются положения уголовно-процессуального законодательства ряда стран СНГ, предусматривающие такой отказ. Например, УПК Казахстана (ч. 4 ст. 124) допускает отказ поручителя в любой момент производства по уголовному делу и обязанности органа, ведущего уголовный процесс, в течение 48 часов с момента отказа рассмотреть вопрос об избрании обвиняемому иной меры пресечения. УПК Узбекистана (ст. 251) принимает отказ поручителя только до появления оснований, влекущих его ответственность, с тем, что он не будет ссылаться на отсутствие возможности контролировать поведение обвиняемого (кроме случаев, когда докажет

действие непреодолимой силы). В УПК Украины (ст. 180) содержится схожая норма, возлагающая на поручителя обязанность по обеспечению явки обвиняемого в орган досудебного расследования или суд для решения вопроса об изменении ему личного поручительства на другую меру пресечения. УПК Азербайджана, Молдовы и Туркменистана определяют не только право поручителя на отказ от поручительства, но и устанавливают случаи, когда поручитель не имеет возможности отвечать за дальнейшее поведение обвиняемого (например, предъявление обвиняемому нового обвинения; переезд поручителя в другую местность; изменение характера взаимоотношений между поручителем и обвиняемым). Такой подход целесообразен, ведь при возникновении объективных причин поручители могут не иметь возможности обеспечить явку и надлежащее поведение обвиняемого, а значит, отпадает существенное условие применения личного поручительства – добровольное согласие лица быть поручителем. В связи с изложенным в ст. 121 УПК Республики Беларусь необходимо предусмотреть отказ поручителей от принятых на себя обязательств и установить перечень обстоятельств, влекущих такой отказ. При этом отказ должен выражаться путем заявления поручителем ходатайства, а не путем подачи письменного заявления, как на это указывают авторы комментария к УПК [8, с. 320], ведь по смыслу п. 10 ст. 6 УПК Республики Беларусь заявление предполагает обращение заявителя за защитой своих прав.

Личное поручительство избирается с согласия обвиняемого, однако нормативное закрепление формы и порядка его получения отсутствует. В этой связи одни авторы полагают, что такое согласие должно оформляться в виде отдельного письменного документа [8, с. 319], другие считают приемлемым как письменную, так и устную форму [11, с. 215]. Белорусские правоприменители считают, что согласие обвиняемого может быть оформлено либо отдельным документом, либо в виде записи на ходатайстве поручителей [14, с. 15], что, на наш взгляд, является юридически некорректным. Считаем, что согласие обвиняемого может содержаться в постановлении о применении личного поручительства, что облегчит работу следователя и отвечает принципу процессуальной экономии. Поэтому ст. 121 УПК Республики Беларусь должна быть дополнена нормой соответствующего содержания.

Одним из вопросов, определяющих практику применения личного поручительства, является сфера его действия. Например, О. И. Цоколова считает допустимым избрание личного поручительства за преступления небольшой и средней тяжести [15, с. 1444]. Как показывает практика, зача-

стью эта мера избирается к ранее судимым лицам, совершившим тяжкие преступления, в том числе в период отбывания наказания с отсрочкой исполнения приговора [13, с. 185]. Поэтому оправданной представляется позиция Следственного комитета Республики Беларусь: не применять эту меру пресечения к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления; ранее привлекавшимся к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений и имеющим непогашенную и неснятую судимость; страдающим хроническим алкоголизмом и наркоманией; совершившим преступления путем обмана и злоупотребления доверием [14, с. 16], ведь вряд ли названные категории лиц будет выполнять условия личного поручительства.

Подводя итог, отметим, что воплощение в уголовно-процессуальном законе высказанных нами предложений и рекомендаций придаст правовым нормам, регламентирующим личное поручительство, логическую завершенность, будет способствовать соблюдению прав и законных интересов лиц, принимающих на себя поручительство, облегчит процедуру принятия решения о данной мере пресечения и расширит диапазон ее использования на практике.

Список основных источников

1. Ратникова, Н. Д. Развитие мер пресечения, применяемых к обвиняемым в совершении преступлений в древнерусском государстве / Н. Д. Ратникова // Территория науки. – 2013. – № 6. – С. 164–168.
2. Каштанова, Н. С. Меры принуждения имущественного характера в XVIII–XIX вв. до издания Свода законов / Н. С. Каштанова // Вестник Омского ун-та. – 2010. – № 1. – С. 167–173.
3. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
4. Мустафаев, Н. М.-А. Личное поручительство как мера уголовно-процессуального пресечения / Н. М.-А. Мустафаев // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – 2007. – № 18. – С. 59–60.
5. Люблинский, П. И. Меры пресечения (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : практ. комментарий) / П. И. Люблинский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Право и жизнь, 1926. – 71 с.
6. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.
7. Еникеев, З. Д. Избранные труды / З. Д. Еникеев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 464 с.
8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; учрежд. образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

9. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 184 с.

10. Трунов, И. Л. Применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве : практ. пособие / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.

11. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана : постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – Ашхабад, 2012. – 656 с.

12. Копылова, О. П. Меры принуждения в уголовном процессе : учеб. пособие / О. П. Копылова. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. – 120 с.

13. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // Информ. бюллетень прокуратуры Респ. Беларусь. – № 34. – Минск, 2006. – С. 175–186.

14. Методические рекомендации по порядку применения мер пресечения в виде личного поручительства, отдачи несовершеннолетнего под присмотр, залога, домашнего ареста, 5 нояб. 2012 г., № 2/4727 / Отд. метод. обеспечения предварительного расследования Следственного комитета Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 37 с.

15. Цоколова, О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / О. И. Цоколова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1440–1445.